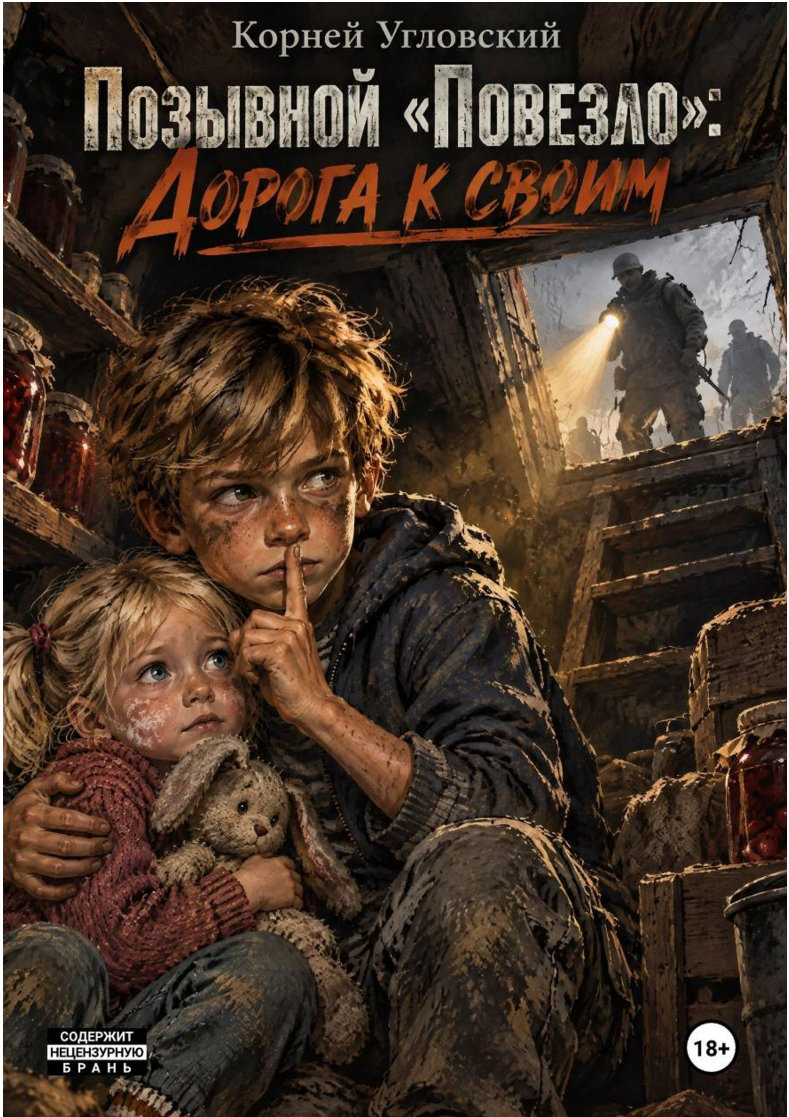
Корней Угловский

Позывной «Повезло»: Дорога к своим

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Корней Угловский

Позывной «Повезло»: Дорога к своим

https://litres.ru/74711063
SelfPub; 2026

Аннотация

Приграничная Суджа отрезана шквальным огнем. Девятилетний Ярослав прячет трехлетнюю сестру в темном погребе, деля последние капли компота под чужими сапогами наемников. А сквозь минные поля и дроны «серой зоны» к ним наперегонки со смертью пробивается отец — боец с позывным «Повезло». Дождется ли тьма рассвета?

Корней Угловский
Позывной «Повезло»: Дорога к своим

Детям войны и их родителям. Тем, кто ждал, и тем, кто дошел. Корней Угловский

Содержание

Глава 1. Вишневый дым
Глава 2. Дрожь земли
Глава 3. Серая зона
Глава 4. Чужие шаги
Глава 5. Цена капли
Глава 6. Острый слух
Глава 7. Едкая тьма
Глава 8. Перед тишиной
Глава 9. Серебряный свист
Глава 10. Дорога к свету
Важные предметы
Благодарности
Cover
Содержание
Глава 1
Вишневый дым

Августовские яблоки падали в траву с тяжелым, влажным стуком. Земля под деревьями была теплой, пахла прелыми листьями, медом и нагретым за день речным илом. Ярослав поддел носком стоптанного кроссовка пузатую «пепинку», отправил ее в эмалированное ведро и глянул на летнюю кухню. Там, на щербатых кирпичах фундамента, лежал Филимон. Кот растёкся дымчатой полосатой шкурой, свесив толстую лапу, и щурил изумрудные глазищи на закатное солнце.

Ярослав

Кот Филимон (Прошка)

— Лежишь, гусь лапчатый? — негромко бросил Ярослав, подтягивая съехавшие карго. — А мыши в погребице пешком ходят. Короче, смотри сюда: папка вернется — пайку урежет за прогулы.

Филимон даже ухом не повел, только кончик хвоста лениво шлепнул по кирпичу.

В трех шагах, возле деревянного корыта с дождевой водой, копошилась Ксюха. На ней был толстый, вязаный мамой свитер пыльно-розового цвета — к вечеру заметно тянуло прохладой от лугов, — и бирюзовые вельветовые штанишки, уже перепачканные садовой зеленью. В руке она сжимала

старого плюшевого медведя с оторванной пуговицей вместо глаза.

Ксюха ♫

— Ярик, гляди, миська пить пошел! — звонко оповестила она мир.

— Не суй его туда, утопишь, — Ярослав шагнул к сестре, но не успел.

Раздался сочный «плюх». Медведь плюхнулся вовсе не

в воду, а прямо в таз со свежесобранной вишней, который мать оставила остывать под навесом перед ночной сменой в районной больнице. Ягоды брызнули темным рубиновым соком. Бурая плюшевая морда моментально пропиталась липкой жижей, а две крупные капли смачно шлепнули Ксюхе прямо на круглую щеку.

Девочка замерла. Нижняя губа ее задрожала, надулась, и над садом разнесся оглушительный, тонкий рев:

— Миська-а-а! Он кро-о-овный стал! Ма-а-ама!

— Тихо, ты! Отставить сирену! — Ярослав метнулся к ней, подхватил медведя за ухо и выдернул из таза. — Щас всё разрулим. Папка говорил — без паники! Смотри, это не кровь, это компот. Мишка просто наелся, поняла?

Ксюха размазала сок по щекам кулачками, оставляя жутковатые алые разводы, и всхлипнула, часто икая:

— Миська… тоже хоцит ам… А ты ругаися…

— Да не ругаюсь я. — Ярослав торопливо вытащил из кармана мятый носовой платок, принялся с остервенением тереть медвежью морду, а потом, вспомнив самое верное средство, запустил пальцы под ворот футболки.

Там, на суровом паракордовом шнурке, висел тяжелый никелированный свисток. Настоящий, армейский. Отец снял его со своего разгрузочного жилета перед тем, как укатить на учения в сторону границы, и надел сыну на шею: «Ты теперь комендант, Яр. Свисток на базе — гарнизон в строю».

Мальчик приложил блестящий металл к губам и дал ко-

роткую, негромкую трель.

Ксюха мгновенно замолкла, широко распахнув свои серо-голубые глазенки.

— Слушай приказ по гарнизону! — строго, пытаясь понизить голос до отцовского баска, объявил Ярослав. — Рядовому медведю объявляется помывка. Рядовой Ксении — марш мыть мордаху и есть манную кашу. Кто не спрятался, я не виноват.

Ксюха шмыгнула носом, прижала мокрого вишневого зверя к теплому свитеру и захихикала, переступая маленькими коричневыми ботиночками:

— А миська касу не любит, он с сахалом хоцит.

— С сахаром сделаем, разрулим, — Ярослав спрятал свисток обратно под куртку.

Он уже протянул руку, чтобы подхватить ведро с яблоками, как вдруг Филимон на кирпичах резко подобрался. Ленивая поза сытого кота исчезла за долю секунды. Кот встал на все четыре лапы, вытянул вперед морщинистый нос с рваным ухом и глухо, утробно заурчал. Звук шел из самой глубины его полосатого брюха — низкий, вибрирующий, не сулящий ничего хорошего. Зеленые глаза кота неотрывно буравили пустоту над яблонями, глядя куда-то на юго-восток, в сторону государственной границы.

— Филька, ты чего? Мышь? — шепотом спросил Ярослав.

Ответа не последовало. Зато земля под ногами едва заметно дрогнула. Это не было похоже на гром. С далекого шоссе,

из-за невидимых за лесополосой холмов, пришел тяжелый, плотный толчок. Воздух сжался, давя на барабанные перепонки, и в летней кухне тонко, жалобно звякнуло оконное стекло.

Дрозд работал шомполом методично, словно заведенный часовой механизм. Вжик-вжик. Мягкая фланель выходила из канала ствола абсолютно чистой, но напарник все равно придирчиво щурил серые глаза, разглядывая просвет на фоне сосновых лап.

Сергей «Дрозд»

Макс сидел на пустом деревянном ящике из-под цинков с патронами. Пальцы двигались сами по себе, привычно, без

щелчков: раз — патрон в шахту магазина, два — пружина проседает под подушечкой большого пальца, три — следующий. Металл патронов калибра пять сорок пять был тусклым, пах сухим оружейным лаком. Макс взвешивал каждый щелчок на ладони, машинально отсеивая гильзы с малейшими вмятинами.

Макс («Повезло»)

— Чего ты их гладишь, как девок на танцах? — не пово-

рачивая головы, бросил Дрозд. В голосе напарника сквозило сухое, привычное ворчание контуженного человека. — Заводские они. Все полетят, куда пошлешь.

— Заводские в тире стреляют, Серега, — негромко отозвался Макс, загоняя в тридцатку последний патрон. Металлический край мягко клацнул. — А мне осечка не по штату положена. Мне осечку делать нельзя.

Дрозд покосился на разгрузку Макса. Там, на левой стороне, рядом с аптечкой первого эшелона, висела старая армейская фляжка. Краска на ней давно облупилась, обнажив серый алюминий, а по центру гвоздем была выцарапана корявая, уверенная надпись: «Повезло».

— Опять свою жестянку начистил, фартовый? — Дрозд усмехнулся одними глазами, потирая заросшую щетиной челюсть. — Думаешь, если на заборе написано «повезло», так и осколок мимо просвистит? Фаталист ты, Макс. Когда по перекрестку кассетами кроют, там теория вероятности в отпуске.

Макс присоединил магазин к автомату, проверил фиксатор и поднял глаза на товарища. Взгляд у него был тяжелый, карий, намертво сфокусированный.

— Повезло, говоришь? Ну так работаем. Удача, Дрозд, это когда ты башкой крутишь на триста шестьдесят и руки не дрожат, когда предохранитель выключаешь. Это не лотерея с билетиками.

Он провел ладонью по потертому прикладу, и в интона-

ции прорезалась та самая глухая, несгибаемая нота, которую сослуживцы знали слишком хорошо.

— Папа обещал — папа придёт. Понял? Я малому сказал: вернусь к выходным, забор поправим и на Псёл с ночевкой рванем. А слово отца — оно покрепче любого монолита будет. Пока они там сидят и ждут — ни одна тварь, ни одна пуля не имеет права меня тормознуть. Просто не положено. Сдачи не надо.

Дрозд хотел что-то ответить — едкое, солдатское, чтобы сбить нарастающую тяжесть разговора, — но не успел.

Брезентовый полог палатки связистов, стоящей в двадцати метрах под маскировочной сетью, с треском распахнулся. На лесную поляну буквально вывалился капитан-дежурный. Шлема на нем не было, полевая куртка расстегнута, а в руках он сжимал планшет с развернутой штабной картой-километровкой. Лицо офицера было белым, как мел.

— Группа, к оружию! — заорал он, срывая голос в хрип. — Макс, Дрозд, на связь с комбатом!

Макс поднялся с ящика одним слитным движением, уже на ходу вскидывая автомат на плечо:

— Что там, Саня?

Капитан ткнул дрожащим пальцем в карту. По ламинированной бумаге жирными полосами красного фломастера были перечеркнуты пограничные заставы в районе Николаево-Дарьино и Свердликово. Линии рассекали асфальт, уходя клином вперед.

— Прорыв, мужики. Тяжелые пошли, с броней, с колесницей. Связь на ленте легла вся. Колонны режут трассу прямо на Суджу.

В груди Макса что-то сжалось в ледяной, тугой узел. До Садовой улицы, где под старыми яблонями стоял кирпичный дом, оставалось всего сорок километров. И эти сорок километров прямо сейчас превращались в сплошной, нафаршированный сталью ад.

— Мам! Да не слышу я, мам, громче! — Ярослав изо всех сил вдавливал кнопочный телефон в правое ухо.

В динамике что-то неистово свистело, хрипело и взрывалось белым шумом. Сквозь треск помех пробивался далекий, сорванный голос матери:

— …Ярик… сынок… скорая не может выехать… мост перекрыли… Слышишь меня?! Не выходите на улицу! Бери Ксюху и в погреб… Господи, Ярик, немедленно в погребицу, закрывайте люк на…

Слова утонули в противном, длинном писке. На заднем плане, там, в районном центре, отчетливо завыла городская сирена тревоги — тошнотворный, заунывный вой, поднима-

ющийся и падающий волнами.

— Мама! Але! — крикнул мальчик в микрофон.

Щелчок. Экран телефона мигнул тусклым зеленым светом и погас, выдав короткую надпись: «Нет сети».

В этот же миг над крышей дома раздался страшный, выворачивающий душу звук. Это не было похоже на самолет. Казалось, само небо с грохотом разорвали пополам, как кусок ветхого брезента. Реактивный снаряд пропорол сумерки прямо над Садовой улицей — тяжелый, свистящий шлейф пронесся так низко, что на крыше заплясал и со звоном лопнул старый шифер.

Ксюха зажмурилась так сильно, что лицо ее сморщилось, и с беззвучным плачем намертво вцепилась крошечными пальцами в плотную ткань серых брюк Ярослава. Ее всю колотило.

— Там… бабах сердитый… — прошептала она в складки его штанины. — Ярик, папа скоро?..

Филимон, до этого сидевший на пороге, взвизгнул совсем не по-кошачьи, метнулся серой молнией по коридору и с маху втиснулся в пятисантиметровую щель под тяжелым кухонным буфетом. Наружу торчал только кончик судорожно подергивающегося хвоста.

Ярослав сглотнул горькую, липкую слюну. Сердце колотилось где-то в горле, гулко и часто, как барабан, но он заставил себя положить руку сестре на затылок, гладя светлые растрепанные косички.

— Короче… смотри сюда, — голос предательски дрогнул, но мальчик тут же стиснул зубы. — Папка говорил — без паники. Это гроза. Поняла? Военная такая гроза. Щас ставни закроем и переждем.

Он осторожно высвободил ногу из ее хватки и шагнул на дощатую веранду.

На улице уже сгустилась ночь, но темноты не было. Вся юго-западная сторона неба — там, где за перелеском начинался въезд в город со стороны автовокзала — полыхала мутным, багрово-ржавым пожаром. Всполохи не гасли; они пульсировали, озаряя силуэты соседских крыш зловещим кровавым светом. Воздух дрожал. Земля под подошвами кроссовок мелко и противно вибрировала, словно где-то под землей ворочался гигантский зверь.

Очередной прилет лег в паре улиц от них. Ударная волна докатилась через секунду: тяжелый, душный пласт воздуха ударил в грудь, выбивая дух. Деревянный штакетник палисадника с сухим треском надломился, калитка с грохотом распахнулась настежь, и в уютный, пахнущий яблоками двор хлынул чужой, удушливый смрад — запах паленой резины, растертого в пыль кирпича и едкого порохового дыма.

А прямо над верхушками старых яблонь, шипя и разбрасывая ядовито-зеленые искры, медленно поползла в черное небо чужая сигнальная ракета. На секунду сад залило мертвенным, фосфорным светом, высветив каждую ветку, каждую трещину на заборе. Филимон под шкафом завыл на од-

ной ноте, а Ярослав, похолодев, понял: их улица больше не была тылом.

Глава 2
Дрожь земли

Зеленая ракета еще шипела в зените, когда огород за домом вздыбился черными фонтанами. Четыре мины легли в шахматном порядке прямо по маминым помидорным шпалерам. Земля взревела, выплевывая на траву ошметки ботвы и комья жирного чернозема, а следом по крыше хлестнуло

осколками. Старый шифер лопался с сухим звоном, будто гигантская невидимая коса секла железобетон; острые серые пластины, свистя и срезая ветви, летели веером прямо в яблони, сбивая на лету недозрелую антоновку.

— Бегом! — крикнул Ярослав, толкая Ксюху к ступенькам веранды.

Но трехлетняя сестра споткнулась о порог. Плюшевый медведь с темным вишневым пятном на пузе выскользнул из ее рук и шлепнулся в грязь у крыльца. Девочка застыла на четвереньках среди летящих веток, зажмурилась и зашлась тонким, захлебывающимся ревом:

— Ми-и-иська-а!

Воздух впереди снова взвизгнул, противно и резко. Ярослав не стал думать. Он с маху рухнул на колени, содрав ладони о гравий, вцепился пальцами в капюшон розового вязаного свитера и дернул сестру на себя, вжимая ее лицо в свой живот. В ту же секунду над головой срезало верхушку штакетника: горячий кусок железа с визгом пропорол воздух в полуметре от спины мальчика, оставив в воздухе едкий запах горелого пластика.

Ярослав подгреб девчонку подмышку, свободной рукой наугад цапнул ухо медведя и, не разгибаясь, пополз вперед, нагребая пыль носками кед. Десять метров по открытому двору казались бесконечной полосой препятствий. Земля ходила ходуном, подбрасывая тело на каждом глухом подземном ударе.

Они влетели под навес летней кухни в тот момент, когда следующий снаряд вспахал дорожку прямо за их спинами. Ударная волна швырнула мальчика вперед; он с силой приложился плечом о кирпичный косяк, сбив дыхание, но рук не разжал. Дверь в погребицу была приоткрыта.

Из темного проема кухни выскочил Филимон. Шерсть на левом боку кота была подпалена до рыжеватых углей, от зверя несло паленой щетиной. Обезумевший от грохота кот даже не мяукнул — он метнулся серым комком прямо мимо детских ног и кубарем покатился вниз по крутым дубовым ступеням, исчезая в сырой темноте подвала.

— Вниз, Ксюха, живо! — прохрипел Ярослав, вталкивая сестру на верхнюю ступеньку.

Она цеплялась за его куртку, плакала навзрыд, но мальчик уже пятился за ней, нащупывая подошвами скользкое, веками утоптанное дерево. Он дотянулся до тяжелой дубовой крышки люка, обитой старой жестью, чтобы захлопнуть ее за собой, но закончить движение не успел.

Снаружи, прямо над ними, лопнул мир.

Тяжелая гаубичная болванка или танковый кумулятив вошел аккурат в верхний кирпичный ярус летней кухни. Звук удара не походил на взрыв — это был сокрушительный треск ломающихся вековых стволов и глухой железный звон, от которого перепонки вдавило внутрь черепа. Кирпичная кладка над погребицей превратилась в шрапнель. Потолочные бревна, весившие по сотне килограммов каждое, с хрустом пере-

ломились пополам.

Ярослав всем телом опрокинулся назад, закрывая собой маленькую сестру, и распластался на ступенях, намертво вдавив лоб в ее свитер. В ту же секунду на дощатый наклонный люк с колоссальным грохотом рухнула многотонная масса кирпича, бревен и тлеющей дранки. Доски прогнулись, затрещали, сквозь щели хлынула струя раскаленной известковой мути и мелкой щебенки, накрывая детей с головой плотным удушливым саваном. Мир погас, оставив только всепоглощающий гул и металлический привкус на зубах.

В брезентовой штабной палатке стоял смрад горелой проводки и солдатского пота. В углу хрипела командно-штабная радиостанция: сквозь вой генератора пробивался захлебывающийся треск пулеметных очередей и чужая речь. Говорили на ломаном русском с жестким польским и прибалтийским акцентом, отрывисто отдавая команды: «Третий, фасад чистый, погреба гранатами проверять, не задерживаться».

Макс стоял у края сколоченного из досок стола, опершись кулаками о столешницу так, что костяшки побелели. Глаза его потемнели, превратившись в две неподвижные точки.

Майор из оперативного отдела, не спавший двое суток, со злостью ткнул карандашом в карту Суджанского района:

— Никаких выходов! Ты глухой, прапорщик? Трасса перерезана в трех местах. Там уже работают их мобильные группы с натовскими тяжелыми пулеметами, небо забито дронами-камикадзе. Мы сейчас людей по кускам собираем, формируем рубеж по реке. Команда комбата — сидеть на опорнике и ждать подхода регулярных частей. Завтра к утру подойдут резервы корпуса. Утром, Макс!

— К утру там только пепел остынет, — тихо, с обманчивой ровностью произнес Макс.

Он потянулся к разгрузке, отстегнул клапан планшета и медленно вытащил сложенную вчетверо ламинированную километровку. Аккуратно положил ее на стол перед офицером.

— На Садовой у меня сын девяти лет. И дочь. Ей три года, товарищ майор. Вы ее туфельки видели? Вот такого размера. Они сейчас под этой гарью сидят. Если наемники зайдут в подвалы — детей спишут под зачистку. Я не жду утра.

— Это трибунал, прапорщик! — майор привстал, срываясь на визг. — Самовольное оставление позиций в боевой обстановке! Ты в серую зону сунешься — тебя на первом перекрестке FPV-дрон разложит на атомы!

Позади Макса раздался сухой металлический щелчок.

Сергей Дрозд, прислонившись к опорному столбу палатки, навинтил массивную банку глушителя на ствол своего

автомата. Он не суетился. Закончив с резьбой, напарник методично загнал патрон в патронник, поставил оружие на предохранитель и поднял серые, немигающие глаза на офицера.

— Макс, дыши глубже, — ровным, глуховатым от недавней контузии басом произнес Дрозд. Он поправил автоматный ремень на плече и бросил короткий взгляд на напарника: — Я с тобой, прапор. Тылы чистые, жми. У меня у самого дочка в Воронеже. Если мы сейчас тут штаны протирать останемся — как потом в зеркало бриться?

— Дрозд, ты-то куда?! — майор схватился за кобуру, но рука его бессильно замерла: во взглядах двух спецназовцев не было мятежа, там застыла окончательная, вымороженная пустота людей, сделавших выбор.

Макс поправил на груди фляжку с кривой надписью «Повезло».

— Делов на копейку, сдачи не надо, — бросил он через плечо. — Считайте, майор, что мы пропали без вести при ведении ближней разведки. Если выберемся — судите. Если нет — боекомплект спишите на прилеты.

Не дожидаясь ответа, двое бойцов шагнули в темноту за палаткой. Макс ножом взрезал нижний край маскировочной сетки, прикрывавшей капонир, и они скользнули в густые заросли орешника. Впереди, за сорока километрами горящей курской степи, висело тяжелое багровое зарево.

Майор, вздохнув, молча перекрестил мужиков и вновь

склонился над картой.

В подвале стояла плотная, осязаемая тишина, нарушаемая только шипением оседающей известки. Воздух был серым, густым, как мучной кисель; он резал глаза и оседал на

гортани приторным гипсовым осадком.

Ярослав закашлялся, сплевывая на ступени белую крошку. Руки тряслись мелкой, противной дрожью, но он заставил пальцы двигаться, ощупывая карманы плотных брюк. Нащупал ребристый цилиндрик китайского светодиодного фонарика. Щелкнула кнопка.

Узкий белый луч пробил клубы пыли.

Каменные своды погреба, сложенные еще прадедом из дикого суджанского известняка, выдержали. Стены покрылись глубокими трещинами, из швов сочилась сухая глина, но кладка не рухнула. Зато над головой… Ярослав поднял луч вверх. Наклонная крышка люка треснула пополам и прогнулась под невероятной тяжестью. Сверху ее намертво заклинило обрушенной дубовой матицей и горой битого красного кирпича.

Мальчик поднялся на дрожащих ногах, подошел к верхней ступени и уперся правым плечом в провисшие доски.

— А-а-а-х! — он зарычал сквозь зубы, нажимая всем телом, выпрямляя колени до хруста в суставах.

Дерево даже не скрипнуло. С потолка лишь сыпануло новой порцией сухого известкового пепла, забившегося под воротник куртки. Люк был запечатан намертво, словно крышка каменного гроба.

Внизу, в углу погреба, тонко заскулила Ксюха. Она сжалась в комок на сыром земляном полу между ящиками с картошкой, поджав коленки к подбородку. Ее светлые косички

поседели от меловой пыли, а по круглым щекам бежали две грязные дорожки от слез.

— Ярик… глазки болят… — прошептала она, давясь кашлем. — Темно тут… Ярик, папа скоро?

Ярослав спрыгнул со ступенек и опустился перед ней на колени.

— Короче, смотри сюда, — он попытался придать голосу уверенность, но вышло сипло. Мальчик вытер край ее носа рукавом своей куртки. — Папа обещал — папа придёт. Поняла? А у нас сейчас… операция специальная. Подземный штаб. Смирно, боец!

Он осторожно поднял сестру на руки. Она казалась невесомой, как пучок сухой травы. В глубине подвала стоял огромный дубовый ларь, в котором дед когда-то хранил фуражное зерно. Сухое дерево сохранило тепло; внутри ларя лежала старая овчинная телогрейка отца, пахнущая машинным маслом, табаком и родным домом. Ярослав бережно опустил Ксюху внутрь, усадил на подстилку и завернул ее ножки в тяжелые полы тулупа. Рядом пристроил чумазого медведя.

— Вот твой блиндаж. Сидеть, нос не высовывать, — скомандовал он.

Филимон, бесшумно выбравшись из темноты между бочками, мягко запрыгнул на бортик ларя. Кот принюхался к девочке, покрутился и свернулся плотным кольцом у нее в ногах, накрыв морду рыжеватым опаленным хвостом. Из его

груди вырвалось низкое, тяжелое урчание — словно заработал крошечный дизельный моторчик. Ксюха протянула ручонку, запустила пальцы в его теплую шерсть и перестала всхлипывать.

Ярослав отвел луч фонаря в сторону, осматривая их скромную крепость. Полки вдоль стены покосились: банки с огурцами и прошлогодним вареньем сорвало взрывом, они разбились, превратив глиняный пол в липкую кашу из стекла и рассола. Но на самом нижнем ярусе, за толстым деревянным брусом, чудом уцелела одна трехлитровая банка. Под жестяной крышкой плескалась темно-рубиновая, чистая жидкость — вишневый компот. Единственная вода, которая у них осталась.

Ярослав вздохнул, ну чтож, будем посмотреть.

Плечо ныло тупой, пульсирующей болью, но кость была цела. Он выключил фонарик, экономя батарейку, и тьма сомкнулась вокруг них — тяжелая, осязаемая, пропахшая сырой землей и битым кирпичом.

Глава 3

Серая зона

Предрассветная марь над поймой Суджи стояла белая, как снятое молоко. Она пахла прелой ряской, остывшим торфом и далекой солярной гарью. Вода обжигала бедра сквозь плотную ткань штанов, затекая в берцы тяжелыми ледяными струями. Дно уходило из-под ног предательским студнем.

Макс сделал еще шаг, погружаясь по самую шею. Подбородок задрался вверх, автомат на вытянутых руках лег на затылок, стволом назад. Рядом так же мерно, экономя движения, резал болотную жижу Дрозд. В серой полутьме под нависшими ивовыми ветвями его лицо казалось высеченным из мокрого песчаника. В ушах звенело — не от тишины, а от тонкого, зудящего комариного воя на высокой ноте.

Вражеская «птичка».

Звук нарастал сверху, разрезая туман. Это был тяжелый квадрокоптер с хорошей оптикой — шел медленно, прочесывая русло метр за метром.

— Замри, — беззвучно шевельнул губами Макс.

Опустив оружие на скрещенные ветви притопленного куста, он зачерпнул со дна горсть жирной, вонючей речной тины. Черная жижа, ледяная и скользкая, с чавканьем легла на лоб, щеки, уши, замазывая шею и край воротника. Дрозд проделал то же самое одним скупым движением: слой болотной грязи не просто маскировал кожу в сером свете — он сбивал контраст для тепловизионной матрицы, пока речная стылость держала температуру тела ниже обычной.

Они вжались в сплетение узловатых ивовых корней, оставив над черной водой одни ноздри и глаза.

Коптер завис прямо над макушками. Воздушные винты примяли ветви, с ивовых листьев посыпались тяжелые капли росы, часто застучав по плечам. Макс смотрел сквозь ресницы в мутное небо. В полутора метрах над головой серое брю-

хо дрона подрагивало от работы гироскопов. Камера на подвесе плавно повела объективом влево, вправо, вглядываясь в камышовые заросли. Секунды растянулись в бесконечный тугой жгут. Воздух в легких кончался, болотный холод вгрызался в грудину, сковывая ребра железным обручем. Макс держал зубы сомкнутыми, чтобы они не выдали его мелкой предательской дробью.

«Делов на копейку, пацаны, — крутилось в висках под ровный стук крови. — Только попробуй моргнуть, Серега. Только попробуй».

Дрон дернулся, набрал обороты и, забирая чуть к югу, ушел вдоль течения, растворяясь в тумане.

Дрозд медленно выдохнул через нос, сплевывая на ряску попавшую в рот тину. Он приподнялся из воды, придерживая глушитель, и пальцем в перчатке указал вперед — на старые бетонные плиты советского съезда к водопою.

Там, на сером сухом бетоне, лежали они. Небольшие зеленые пластиковые лепестки с асимметричными крыльями, разбросанные кассетным сбросом. Десятки мин-«бабочек» щедро усеяли единственный удобный выход на суходол. Наступишь — и ступню оторвет вместе с подошвой, а треск взрыва поднимет всю округу.

— Насыпали, суки, — еле слышно выдохнул Дрозд в самое ухо напарника. — По плитам не пройти.

— И не надо по плитам, — так же шепотом отозвался Макс. Грязевая корка на его щеках уже подсыхала и стяги-

вала кожу. — Помнишь кошачий брод за старой мельницей? Мы там пацанами раков в норах щупали. Камыш высокий, дно гравийное.

Он повел напарника в обход, забирая на тридцать метров левее, прямо сквозь густую стену рогоза. Ноги тонули в торфе, камышовые стебли хлестали по мокрым плечам, но под подошвами вскоре действительно захрустел плотный мелкий речной гравий. Сантиметр за сантиметром, аккуратно проверяя носками ботинок каждый уступ дна, они обошли заминированный берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.